

В.И. Бутовский

**Русское искусство и мнения о
нем Е. Виолле-ле-Дюка,
французского ученого
архитектора и Ф.И. Буслаева,
русского ученого археолога**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 7.01
ББК 85
В11

В11 **В.И. Бутовский**
Русское искусство и мнения о нем Е. Виолле-ле-Дюка, французского ученого архитектора и Ф.И. Буслаева, русского ученого археолога / В.И. Бутовский – М.: Книга по Требованию, 2014. – 196 с.

ISBN 978-5-518-06144-6

ISBN 978-5-518-06144-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

вичъ Буслаевъ, отнесся совсѣмъ иначе къ этому нерусскому ревнителю русскаго искусства, что побудило насъ сказать въ этой книгѣ свое слово о русскомъ искусствѣ вообще и объ отношеніяхъ къ нему гг. Віолле-ле-Дюка и Ѳ. П. Буслаева.

Повторяемъ, уваженіе наше къ дѣятельности нашего ученаго археолога весьма велико, но уваженіе къ истинѣ и справедливости, въ данномъ случаѣ явно имъ нарушеннымъ, мы питаемъ еще бѣльшее, — а потому да не посѣтуетъ на насъ достойнѣйшій Ѳедоръ Ивановичъ — за наше правдивое слово, высказанное подъ наитіемъ не менѣе правдиваго изреченія, приведеннаго нами эпиграфомъ въ заголовкѣ этой книги.

Въ 1877 году вышло въ свѣтъ въ Парижѣ сочиненіе извѣстнаго французскаго архитектора Е. Виолле-ле-Дюка, подъ заглавіемъ: „L'art russe, ses origines, ses éléments constitutifs, son apogée, son avenir“, т. е. „Русское искусство, его источники, его составные элементы, его высшее развитіе и его будущее“.

Появленіе этой книги было привѣтствовано нашею прессою и, между прочимъ, вполнѣ сочувственною статьею ¹⁾, въ „Московскихъ вѣдомостяхъ“ (1877 года № 302), архитектора Льва Владиміровича Даля, признава-шаго весьма справедливо, что „вообще все сочиненіе прекрасно написано и вноситъ новый свѣтъ въ нашъ русскій архитектурный міръ“.

Слишкомъ годъ спустя, въ 1879 году, нашъ извѣст-ный русскій филологъ, Ѳ. И. Буслаевъ, напечаталъ въ журналѣ „Критическое обозрѣніе“ двѣ статьи, въ нуме-рахъ 2 и 5, подъ заглавіемъ: „Русское искусство въ оцѣнкѣ французскаго ученаго“.

Знаменитый ученый Франціи, Е. Виолле-ле-Дюкъ, при-знаетъ и доказываетъ самобытность русскаго искусства. Онъ выводитъ это заключеніе изъ предварительнаго разсмотрѣнія и изученія элементовъ русскаго иску-ства, произведеннаго имъ съ большою послѣдователь-ностью.

¹⁾ См. приложение № 1.

Слышны были упреки, что Е. Виолле-ле-Дюкъ отыскиваетъ источники русскаго искусства исключительно на Востокѣ и что онъ отвергаетъ вліяніе Запада.

На самомъ же дѣлѣ, по мнѣнію автора, русское искусство шло логичнымъ путемъ, сообразно съ первоначальными источниками и особеннымъ гениемъ Русскаго народа. Въ сочиненіи его видно стараніе указать и доказать этотъ присущій намъ путь и изобличить укоренившійся предразсудокъ, направленный къ отрицанію существующей оригинальности въ русскомъ искусствѣ. Многочисленные матеріалы, которыми авторъ располагалъ, частію присланные изъ Россіи, частію имъ самимъ собранные, доставили ему возможность въ сочиненіи „L'art Russe“ вполне доказать самобытность нашего искусства.

Изъ сочиненія его видно, что онъ не усматриваетъ въ началахъ русскаго искусства элементовъ германскихъ, а находитъ элементы скандинавскіе, но что эти элементы не имѣютъ такого значенія, которое могло бы главнѣйше характеризовать русское искусство, что вліяніе ихъ было далеко отъ этого, ибо едва только можно указать на ихъ слѣдъ. Вообще, по его мнѣнію, наносы скандинавскаго искусства были слабы, если сравнивать ихъ съ тѣми, которые шли къ намъ изъ Азіи и, въ особенности, изъ Азіи мидійской и сѣверо-иранской.

Далѣе авторъ обращаетъ вниманіе на то, что Славяне въ древности имѣли свои элементы искусства, которыми не слѣдуетъ пренебрегать, потому что они являются весьма характерными во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ Славяне оставили слѣды своего пребыванія, до самой Иллиріи и Албаніи, въ Тиролѣ и даже въ Швейцаріи.

Относительно византійскаго искусства, Е. Біолле-ле-Дюкъ говоритъ, что оно состоитъ изъ разнородныхъ элементовъ, происходящихъ изъ центральнаго и южнаго Востока и преимущественно изъ Ирана; но при этомъ онъ замѣчаетъ, что Славяне, до заимствованія ими въ XI вѣкѣ отъ искусства византійскаго, подверглись тѣмъ же вліяніямъ, какъ и Византія. Эти вліянія до того были тождественны, что, принимая ихъ въ основаніе, можно было бы въ крайнемъ случаѣ признать, что искусство византійское есть ни что иное, какъ искусство славяно-греческое.

По мнѣнію автора, элементы татаро-монгольскаго искусства проникли въ русское искусство въ весьма слабой степени, и почти въ той же мѣрѣ они встрѣчаются въ самомъ византійскомъ искусствѣ.

О вліяніи римскаго искусства и думать нечего. „Нѣтъ собственно римскаго искусства“, говоритъ Е. Біолле-ле-Дюкъ: „есть римская архитектура въ связи съ искусствомъ греческимъ, а также съ искусствомъ этрусскимъ, приложеннымъ римлянами къ своимъ постройкамъ. Россія отъ искусства, называемаго римскимъ, могла пріобрѣсть только то, что передано ей Византіей, то есть, самую ничтожную долю.

Е. Біолле-ле-Дюкъ, въ сочиненіи своемъ о русскомъ искусствѣ, держался современнаго научнаго метода, заключающагося въ анализѣ составныхъ частей предмета. Этотъ методъ выясняетъ многое и предохраняетъ отъ гипотезъ, болѣе или менѣе остроумныхъ, но всегда легко опровержимыхъ.

Онъ указалъ на элементы искусства Славянъ до обращенія сихъ послѣднихъ къ заимствованіямъ изъ искусства византійскаго, уже образовавшагося, а также

на славянскій элементъ во время введенія христіанства и вскорѣ послѣ него, когда этотъ элементъ пріобрѣлъ въ европейскомъ искусствѣ преобладающее значеніе и слился съ остатками греческой цивилизаціи, съ которою впрочемъ онъ былъ въ близкомъ сродствѣ.

По мнѣнію автора, Византія испытала вліяніе Славянъ.

Знаменитый ученый Россіи, *Θ. И. Буслаевъ*, прежде восхвалявшій сочиненіе *Е. Віолле-ле-Дюка* о Русскомъ искусствѣ, въ успѣхѣ котораго онъ принималъ живѣйшее участіе, внезапно перемѣнилъ свое мнѣніе и, по нашему убѣжденію, непривѣтливо и несправедливо отнесся къ тому же сочиненію весьма талантливаго и авторитетнаго ученаго Франціи. Вслѣдствіе этого долгомъ признаю сказать мое слово въ защиту французскаго писателя, который, не будучи русскимъ, явилъ себя истиннымъ ревнителемъ русскаго искусства.

Проникнутый искреннею признательностью къ такому рѣдкому безпристрастію иностранца къ намъ, русскимъ, считаю себя въ особенности счастливымъ, что предшествовавшая появленію въ свѣтъ сочиненія *Е. Віолле-ле-Дюка*, моя переписка съ нимъ, а также мои соглашенія и переписка по тому же вопросу съ *Θ. И. Буслаевымъ*, дали мнѣ, смѣю думать, полную возможность — возстановить заслуженныя права *Е. Віолле-ле-Дюка* на признательность русскихъ за его почтенный трудъ на пользу нашего отечества.

По нашему убѣжденію, *Θ. И. Буслаевъ* — одинъ изъ немногихъ въ Россіи, имѣющихъ силу и возможность, по положенію своему, уму и познаніямъ, поддерживать и дать надлежащій ходъ патріотическому и полезному дѣлу для нашего отечества, а именно: возрожденію русскаго искусства въ нашихъ промышленныхъ производствахъ.

Г. Буслаевъ, до сей поры, былъ истиннымъ, горячимъ поборникомъ этого дѣла, и онъ очень хорошо знаетъ, до какой высокой степени мы дорожили его мѣнѣемъ. Онъ не отвергнетъ, конечно, нашего чисто-сердечнаго признанія, что, поступивъ въ 1864 году, по приглашенію бывшаго Попечителя Московскаго учебнаго округа Д. С. Левшина, членомъ въ Общество древне-русскаго искусства, мы съ той поры постоянно обращались къ нему, г. Буслаеву, за совѣтами и никогда не встрѣчали отказа. У насъ уже тогда была значительная коллекція факсимильныхъ снимковъ съ орнаментаций, почерпнутыхъ изъ древнихъ рукописныхъ книгъ, а также гипсовые слѣпки съ древне-русскихъ памятниковъ зодчества.

Въ 1865 году г. Буслаевъ принималъ участіе въ экспертной комиссіи мануфактурной выставки въ Москвѣ и поощрялъ промышленность къ разработкѣ ея родного стиля ¹⁾. Въ сборникъ на 1866 годъ, изданномъ Обществомъ древне-русскаго искусства, на стр. 150 второго отдѣленія, помѣщена статья отъ редакціи объ издѣліяхъ Строгановскаго училища техническаго рисованія, на Московской промышленной выставкѣ 1865 года, слѣдующаго содержанія:

„Образцы древне-русскаго художественнаго стиля впервые заняли видное мѣсто между разнаго рода промышленными издѣліями. Образцы состояли въ копіяхъ со старинныхъ орнаментовъ на рельефахъ церковныхъ стѣнъ, съ церковныхъ вратъ и съ заставокъ изъ рукописей. Этотъ фактъ не могъ не вызвать самаго живого сочувствія въ Обществѣ древне-русскаго искусства, полагающемъ себѣ зада-

¹⁾ См. приложеніе №. 2.

чею между прочимъ содѣйствовать всеѣмъ зависящими отъ него средствами распространенію въ русской публикѣ уваженія къ своей народности въ одномъ изъ высшихъ ея проявленій, въ формахъ искусства, служащихъ осязательнымъ выраженіемъ вѣрованій, убѣжденій и привычекъ русскаго народа“. Далѣе сказано: „Между образцами, выставленными Строгановскимъ училищемъ, образцами непосредственно отвѣчающими прямому основному своему назначенію, наиболѣе обратили на себя вниманіе: прекрасные раскрашенные снимки съ заглавныхъ буквъ, заставокъ и орнаментныхъ украшеній, почерпнутыхъ изъ древнихъ рукописныхъ книгъ съ XI по XVII столѣтіе.“

Въ заключеніе сказано: „Полезь предметовъ, выставленныхъ Строгановскимъ училищемъ, слишкомъ очевидна, чтобы слѣдовало ее доказывать.“

„Нѣтъ сомнѣній, что учрежденіе это, равно какъ и вновь устроиваемый Художественно - промышленный музей въ Москвѣ, дадутъ русскому мануфактурному производству тотъ характеръ самобытности въ связи съ художествомъ, недостатокъ котораго былъ одною изъ главнѣйшихъ причинъ, дававшихъ, въ глазахъ Европы, нашей промышленности такое ничтожное значеніе.“

Въ томъ же 1866 году Строгановское училище и музей устроили выставку своихъ трудовъ по собранію древне-русскихъ памятниковъ въ залахъ Румянцевскаго музея. Ѳ. И. Буслаевъ принималъ тогда живѣйшее участіе въ успѣхѣ этой выставки. Все рисунки рукописныхъ книгъ были выставлены, и онъ лично объяснялъ ихъ значеніе.

По совѣту Ѳ. И. Буслаева, художественно-промышленный музей издалъ Строгановскій иконописный лицевой подлинникъ, съ цѣлію — ознакомить публику, художниковъ и иконописцевъ съ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ русской народности, а съ тѣмъ вмѣстѣ — содѣйствовать исправленію нынѣшняго неудовлетворительнаго иконописанія и, по возможности, возстановленію Строгановскаго письма конца шестнадцатаго и начала семнадцатаго столѣтія.

Ѳ. И. Буслаевъ участвовалъ въ Комиссіи по устройству отдѣла „Исторіи труда въ Россіи“ на парижской выставкѣ 1867 года. Въ 1868—69 годахъ онъ руководилъ выборомъ рисунковъ въ изданной Художественнымъ музеемъ „Исторіи русскаго орнамента“, при чемъ приготовленные листы къ печати болѣе полугода находились у него, въ ожиданіи общаго имъ объяснительнаго текста.

Въ томъ же 1869 году, въ мартѣ мѣсяцѣ, состоялся въ Москвѣ первый археологическій съѣздъ, въ которомъ, по приглашенію Совѣта съѣзда, устроена была Строгановскимъ училищемъ выставка рисунковъ съ древне-русскихъ орнаментацій и, кромѣ того, представленъ былъ Директоромъ училища рефератъ ¹⁾, бывшій предварительно на просмотрѣ у Ѳедора Ивановича.

Во второмъ дополненіи къ вопросамъ, предназначавшимся къ обсужденію на съѣздѣ, на стр. 4 подъ номеромъ 24, напечатанъ вопросъ, сообщенный В. И. Бутовскимъ, слѣдующаго содержанія: „Существуетъ ли различіе между орнаментными украшеніями рукописей русскихъ и византійскихъ, и если подобное различіе существуетъ, то велико ли оно, и въ правѣ ли мы

¹⁾ См. приложение № 3

сказать, что въ Россіи былъ въ этомъ отношеніи свой особый русскій художественный элементъ? Вопросъ этотъ былъ доложенъ на сѣздѣ, но остался неразрѣшеннымъ.

Между тѣмъ въ 1872 г., въ журналѣ „Encyclopédie d'architecture“ № 8, издаваемомъ въ Парижѣ, появилась статья Е. Виолле-ле-Дюка „О художественномъ движеніи въ Россіи“. Переводъ этой статьи былъ напечатанъ въ „Московскихъ вѣдомостяхъ“ 14 октября 1872 г. № 258 ¹⁾. Она обращала вниманіе на изданіе Художественно-промышленнаго музеума въ Москвѣ „Исторія русскаго орнамента“, какъ на весьма драгоценные для исторіи искусства и археологіи матеріалы, почти никому неизвѣстные, заимствованные преимущественно изъ греческихъ и славянскихъ рукописныхъ книгъ, имѣющіе интересъ столь же новый, какъ и сильный.

„Благодаря поощренію правительства“, писалъ Е. Виолле-ле-Дюкъ: „движеніе началось и продолжается при содѣйствіи истинно-русскихъ, большинство коихъ справедливо полагаетъ, что возрожденіе самостоятельнаго искусства составляетъ одно изъ могущественнѣйшихъ средствъ къ обезпеченію благоденствія страны, а вмѣстѣ съ тѣмъ подкрѣпляетъ идеи патріотизма“. Авторъ предсказалъ, что „Исторія русскаго орнамента“ сдѣлается одною изъ классическихъ книгъ русскаго національнаго искусства. Онъ обратилъ вниманіе также на другое изданіе Музеума: „Строгановскій иконописный лицевой подлинникъ“ и, восхваляя мысль, руководившую при этомъ дѣлѣ, выразилъ желаніе, чтобы и во Франціи она была примѣнена напрактикѣ съ такимъ же настойчивымъ усердіемъ, какое проявилось въ Москвѣ.

¹⁾ См. Прил. № 4.